

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЯЗЫКОВ И
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ИМЕНИ В.Я. БРЮСОВА
АРМЯНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ
ОБЩЕСТВО ДРУЖБЫ “АРМЕНИЯ – РОССИЯ”

К 220-летию со дня рождения
А. С. Грибоедова
К 100-летию Геноцида армян

**А. С. ГРИБОЕДОВ:
РУССКАЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ**

*Материалы международной
научно-практической конференции
26-27 сентября 2015 г.*

Ереван
«Издательский дом Лусабац»
2015

**МОТИВЫ И ОБРАЗЫ КОМЕДИИ
А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» В ПОВЕСТИ
А. С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»**

И. А. Поплавская

*Доктор филологических наук, доцент
Томский государственный университет*

Во второй главе «Путешествия в Арзрум», напечатанного, как известно, в первом томе журнала «Современник» в 1836 г., А.С. Пушкин посвящает несколько страниц описанию А.С. Грибоедова. Изображение характера и обстоятельств жизни Грибоедова воспринимается здесь как своего рода палимпсест, в частности, как узнаваемые фрагменты из статьи К.Н. Батюшкова «О характере Ломоносова» [1. С. 445]. Вместе с тем в этом описании можно выделить и отдельные совпадения с текстом комедии «Горе от ума». Например, говоря о личности драматурга, Пушкин отмечает его «меланхолический характер» и «озлобленный ум», которые в сочетании с его «добродушием», с его слабостями и пороками делали его необыкновенно привлекательным [2. Т. VI. С. 667]. В созданном здесь психологическом портрете Грибоедова узнаются отдельные черты характера главного героя его комедии «Горе от ума» - Чацкого. А такие детали биографии Грибоедова, как его отъезд из Петербурга в августе 1818 г., когда он, по словам Пушкина, «почувствовал необходимость расстаться единожды навсегда со своею молодостию и кругом поворотить свою жизнь» [2. Т. VI. С. 668], имеют возможную параллель с жизнью Чацкого за границей. Возвращение же Грибоедова в Москву в 1824 г., ставшее «переворотом в его судьбе и началом непрерывных его успехов», вызывает ассоциации с экспозицией его комедии.

В описании личности Грибоедова в этом «Путешествии» значимым оказывается концепт судьбы, который соединяется с историческими событиями Русско-персидской войны 1826-1828 гг. Ср.: «Через несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. <...> Не знаю ничего завиднее последних годов его бурной жизни» [2. Т. VI. С. 668]. В этом

отрывке Пушкин упоминает и о женитьбе Грибоедова («Присхав в Грузию, женился он на той, которую любил...»), противопоставляя его семейное счастье последовавшей затем смерти, которая «была мгновенна и прекрасна». Можно сказать, что образ Грибоедова описан в этом отрывке и как близкий знакомый автора, и как «замечательный человек», и как историческая личность, и как создатель комедии «Горе от ума», и как герой «своего времени», в судьбе которого факты его реальной биографии имеют параллель с некоторыми обстоятельствами жизни главного персонажа его пьесы - Чацкого. В этом смысле об известном параллелизме и взаимоотражении судеб главного героя комедии «Горе от ума», ее автора и автора «Путешествия в Арзрум» свидетельствует тот факт, что все они имеют одно имя Александр.

Внутреннее единство комедии Грибоедова «Горе от ума» (1824) и повести Пушкина «Пиковая дама» (1833) видится в наличии общих тем, мотивов и образов в обоих произведениях. Прежде всего, это тема сумасшествия, выражающая драму сознания главных героев – Чацкого и Германа и одновременно передающая драматизм русской жизни 1820-1830-х гг. Тема карт и карточной игры, составляющая сюжетную основу повести Пушкина и раскрывающая ее философский смысл, присутствует и в комедии Грибоедова. Также объединяют эти произведения образы дома и бала, сна и видения, тема отцов и детей и тема «героев времени».

Отдельные реплики, встречающиеся в комедии «Горе от ума», выступают в качестве сюжетобразующих в повести Пушкина «Пиковая дама». Так в действии IV, явлении I в пьесе Грибоедова описывается отъезд графини бабушки и графини внучки Хрюминых из дома Фамусова:

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка (покуда ее укутывают)

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!

Какие-то уроды с того света,

И не с кем говорить, и не с кем танцевать.

Графиня бабушка

Поетем, матушка, мне прафо не под силу,
Когда-нибудь я с пала та в могилу.

(Обе уезжают)» [3. С. 107].

Последняя фраза, которую произносит здесь графиня бабушка, становится значимым сюжетным элементом в повести Пушкина «Шиковая дама». Как известно, смерть графини наступает в «роковую ночь» после ее возвращения вместе с Лизаветой Ивановной с бала. Дуальная пара персонажей, действующих в комедии Грибоедова (графиня бабушка и графиня внучка) и в повести Пушкина (графиня Анна Федотовна и Лизавета Ивановна) и связанных родством, их графский титул, вмешательство косвенное (Чацкий) или прямое (Германн) в их жизнь главного персонажа, тема сумасшествия (мнимого и действительного), осмысление жизни главных героев в категориях судьбы и случая — все это позволяет говорить о присутствии текстопорождающих стратегий комедии «Горе от ума» в повести Пушкина «Шиковая дама».

Если же обратиться к функции этого эпизода в пьесе, то она оказывается многозначной. С него начинается ситуация самооблачений и прозрений героев, совпадающая с развязкой комедии. Отъезд в метафорическом плане воспринимается как возможность снятия масок всеми персонажами пьесы и обнаружения своего подлинного лица. В данном случае это нескрываемое негодование одинокой и стареющей графини внучки, надеющейся найти жениха и выйти замуж, и ощущение себя уже по ту сторону жизни графиней бабушкой. Разное мироощущение обеих героинь получает здесь и временную проекцию, переданную автором через выбор их имен, обозначенных в списке действующих лиц как «Графиня бабушка Графиня внучка Хрюмины».

Речевые дефекты графини бабушки подчеркивают комическую тональность этого эпизода, которая в контексте всего IV действия противостоит постепенно нарастающему в нем драматическому мироощущению главных действующих лиц. Сцена отъезда построена по принципу ее многократного повторения, когда вслед за Хрюмиными уезжают вначале супруги Горичи, потом Скалозуб, Загорецкий, князь и княгиня Тугоуховские с

дочерью, Хлестова, Репетиллов и, наконец, Чацкий. Используемый здесь композиционный прием градации доводит общественный и психологический конфликты в пьесе до их высшей точки и передает нарастание всеобщего хаоса, подчиняющего себе и индивидуальное существование человека, и его положение в социуме. Наглядно это можно представить через сравнение уже процитированной выше реплики графини внучки из явления 1, которой начинается IV действие, и завершающим монологом Чацкого из явления 14. Ср.:

Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не езду.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!
Карету мне, карету!

(Уезжает) [3. С. 134].

В обоих этих эпизодах фигурирует образ света. Однако если в речи графини внучки свет воспринимается как метафора преисподней, как царство мертвых, то в лексиконе Чацкого свет ближе всего к той трактовке этого понятия, которое в словаре В.И. Даля описывается как «вселенная, мир, земля наша, шар земной» [4. Т. 4. С. 160]. Такое понимание этого образа внутренне соотносится и с проблематикой произведения, раскрывающей ценностную позицию человека в современном мире, и с сакральной природой метасюжета комедии, и с особенностями словесного развития действия в ней, и с ее жанровыми особенностями как высокой комедии. В этой связи Чацкий, как пишет современная исследовательница, выступает в комедии «как высокий герой-идеолог, чья сценическая деятельность в основном реализуется в слове» [5. С. 375].

Образ света в IV действии оказывается неотделимым и от образа судьбы, которая воспринимается здесь и как отражение ценностных представлений героев о своем месте в мире, и как их взгляд на себя со стороны, и как осознание зависимости жизни человека от внешнеположных ему сил. В этой связи репрезента-

тивным кажется сравнение реплик Чацкого и Фамусова, завершающих действие комедии и поэтому обладающих повышенной семиотичностью. Ср.:

Явление 13

Чацкий

Ах! как игру судьбы постичь?;

Явление 14

Чацкий

С кем был! Куда меня закинула судьба! <...>

Фамусов

А ты меня лишилась уморить?

Моя судьба еще не плачевна?

Ах! боже мой! Что станет говорить

Княгиня Марья Алексевна! [3. С. 130, 134]

И.А. Гончаров в своей известной статье «Миллион терзаний», отмечая единство любовной и общественной линии в комедии Грибоедова, пишет: «Две комедии как будто вложены одна в другую. <...> Когда первая прерывается, в промежутке является неожиданно другая, и действие завязывается снова» [6. С. 45]. Отметим, что в контексте данной статьи это высказывание Гончарова можно рассматривать и как проявление механизма текстопорождения в повести Пушкина «Пиковая дама», связанного с явным или скрытым развитием в ней отдельных мотивов и образов комедии Грибоедова («Горе от ума»), и одновременно как раскрытие динамики русской литературы 1820-1830-х годов через смену «героя времени».

По выражению Ф.М. Достоевского, в образе главного героя повести Пушкина «Пиковая дама» получил воплощение «петербургский тип» героя русской литературы [7. Т. 13. С. 113]. В этом герое, как пишет современный исследователь, в полной мере воплотился «кризис романтического индивидуализма в столкновении с реалиями «железного века». Он проиграл не в карты; он проиграл жизнь, предав свои жизненные принципы, свое человеческое достоинство, свою любовь» [8. С. 456]. Германн как петербургский тип с его раздвоенным сознанием противостоит Чацкому как московскому типу, для которого характерно совпадение слова и поступка, для которого слово стано-

вится «поведенческим текстом». В этой связи текстопорождающие стратегии комедии «Горе от ума» в повести «Пиковая дама» используются по принципу прямой и обратной симметрии и касаются как создания системы образов, так и отдельных сюжетных и мотивных ситуаций.

Как уже отмечалось, последняя реплика графини бабушки в комедии Грибоедова («Когда-нибудь я с бала та в могилу») буквально реализуется в сюжете пушкинской повести, раскрывая подлинное лицо ее главного героя. Автор пишет: «Он не чувствовал угрызания совести при мысли о мертвой старухе. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, от которой ожидал обогащения. <...> Все мысли его слились в одну, - воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила» [2. Т. VI. С. 345, 351]. Здесь образы бала и смерти воспринимаются как миромоделирующие, становясь философским воплощением связи случая и необходимости, социального и экзистенциального существования человека. Возникающая затем система образных, сюжетных и мотивных соответствий в обоих произведениях в эстетическом плане раскрывает продуктивность категории эпического в драме и категории драматического в эпическом произведении, а также передает параллелизм судеб обоих героев, типологию конфликта и его преломление в сознании героев, автора и читателя.

Так, например, сцена отъезда героев из дома Фамусова в IV действии комедии Грибоедова воспринимается как сюжетная параллель к сцене описания отъезда старой графини на бал, данной с точки зрения Германна. Ср.: «Наконец графинине карету подали. Германн видел, как лакеи вынесли под руки сгорбленную старуху, укутанную в соболью шубу, и как вслед за нею в холодном плаще, с головой, убранною свежими цветами, мелькнула ее воспитанница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покатила по мокрому снегу» [2. Т. VI. С. 337]. Этот эпизод воспринимается как своего рода развернутая ремарка к IV действию комедии Грибоедова и как своего рода «прелюдия» к двойному преступлению Германна. Также важно отметить сходство в описании «парадных сеней» в доме Фамусова и «ярко освещенных сеней» в доме графини.

Если комедию «Горе от ума» условно можно назвать «дневной», поскольку основное действие в ней происходит в течение одного дня, то повесть «Пиковая дама» воспринимается на этом фоне в большей степени как «ночное» произведение. Семантика почти в пушкинской повести оказывается органично связанной с темой карт и карточной игры, становясь «идеальной моделью конфликтной ситуации «человек-внешний мир», от которой всецело зависит судьба главного героя и управлять которой он не может. Одновременно смерть графини, которая воспринимается «как жертва героя и как представитель тех сил, с которыми Германн ведет игру» [9. С. 803], наступает ночью, что отчасти раскрывает ее причастность к inferнальному миру и роковую роль в судьбе героя тайны трех карт, известной только ей.

Итак, можно сказать, что комедия «Горе от ума» Грибоедова, повесть «Пиковая дама» и «Путешествие в Арзрум» Пушкина образуют внутренне взаимосвязанную систему текстов. В этих текстах отдельные факты реальной биографии, обоих авторов приобретают литературные черты, проецируясь на судьбы главных героев их произведений, и наоборот. Так своеобразным комментарием к образу Чацкого в «Горе от ума» и образу Грибоедова в «Путешествии в Арзрум» может служить известное письмо Пушкина А.А. Бестужеву от конца января 1825 г. из Михайловского. В нем автор, говоря о Чацком, пишет: «А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, острогами и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, очень умно» [2. Т. X. С. 122]. Отмеченные в образе Чацкого некоторые автобиографические черты дополняются ориентацией на литературные традиции психологического портрета в создании образа Грибоедова в книге «Путешествие в Арзрум». Также известно, что Грибоедов послужил одним из прототипов незавершенного пушкинского замысла «Русский Пелам» (1834-1835).

Попытка Чацкого узнать любовную тайну Софьи и стремление Германна узнать тайну трех карт типологически сближают любовную линию в комедии и философский сюжет в повести Пушкина. Ситуация узнавания себя в другом, связанная с появ-

лением в IV действии пьесы Репетилова, воспринимается как параллель к образу оживающей карты в финале «Пиковой дамы» [10. С. 127]. Отсюда трансформация реплики графини бабушки в «Горе от ума» в сюжетобразующий элемент повести «Пиковая дама» воспринимается и как узнаваемая литературная игра, и как творческий диалог Пушкина с Грибоедовым, и как текстопорождающая конструкция, и как оформляющаяся система мифологем русской культуры первой трети XIX века.

Образы грибоедовской Москвы в «Горе от ума» и пушкинского Петербурга в «Пиковой даме» являются эстетическим воплощением двух систем ценностей и двух типов «героев времени» в русской литературе 1820-1830-х гг., а также раскрывают особенности их национальной природы и внутреннюю эволюцию.

Литература

1. Фомичев С.А. *Пушкинская перспектива*. – М.: Знак, 2007.
2. Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений: В 10 т.* – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949-1951.
3. Грибоедов А.С. *Горе от ума*. – М.: Наука, 1987. (Серия «Литературные памятники»).
4. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.* – СПб.; М.: типография М.О. Вольфа, 1880.
5. Лебедева О.Б. *Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков*. – М.: Языки славянской культуры, 2014.
6. Гончаров И.А. *Собрание сочинений: В 8 т.* – М.: Художественная литература, 1980.
7. Достоевский Ф.М. *Полное собрание сочинений: В 30 т.* – Л.: Наука, 1972-1990.
8. Янушкевич А.С. *История русской литературы первой трети XIX века: Учебное пособие*. – М.: Флинта, Наука, 2015.
9. Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ, 1995.
10. Лахманн Р. *Дискурсы фантастического*. – М.: Новое литературное обозрение, 2009.